

Наль и Дамаянти. Индейская повесть В. А. Жуковского...

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

НАЛЬ И ДАМАЯНТИ. Индейская повесть В. А. Жуковского. Рисунки по распоряжению автора выполнены г. Майделем. 1844. Издание Фишера. В 8-ю д. л. 201 стр.

"Наль и Дамаянти" есть эпизод огромной индийской поэмы "Магабгарата", -- эпизод, каких в ней довольно, и который представляет собою нечто целое. На немецком языке два перевода этой поэмы ("Наль и Дамаянти"), один Боппа, другой Рюкерта. Жуковский переводил с последнего. О достоинстве его перевода нечего говорить. Легкость, прозрачность, удивительная простота и благородная поэзия его гекзаметра обнаруживают высокое искусство, неподражаемое художество. Это перевод вполне художественный, и русская литература сделала в нем важное для себя приобретение.

Что касается до самой поэмы, она -- индийская в полном значении слова. В ней действуют боги, люди и животные. Боги, как две капли воды, похожи на людей, а люди -- ни дать ни взять -- те же животные. Так, например, *гуси* играют в поэме такую роль, что без них не было бы и поэмы. И эти гуси говорят и мыслят точь-в-точь, как люди, а эти люди, в свою очередь, говорят и мыслят точь-в-точь, как гуси. Гуси здесь не глупее людей, а люди не умнее гусей. В этом выразился пантеизм Индии и все индийское мирозерцание. Бог индеец -- природа; выше и дальше природы не простираются духовные взоры индееца. Поэтому, в его глазах, гусь или корова -- такие же важные персоны, как и царь и герой, не говоря уже о простом человеке. Поэтому же индеец весь теряется в мировой субстанции и беден личностью. Ему легко отрывать себя от себя и погружаться, смотря на кончик своего носа, в созерцание божественного ничтожества. Отсюда происходит чудовищность, нелепость, дикость, сердечная теплота, пленительная наивность, а иногда и грандиозность его поэзии. Для нас, европейцев, эта поэзия интересна как факт первобытного мира, и мы не можем сочувствовать ее суеверию, ее уродливому пиетизму, даже самым красотам ее. Это происходит от противоположности европейского духа с азиатским. В азиатском нравственном мире преобладает субстанциональное, безразличное и неопределенное общее -- эта бездна, поглощающая и уничтожающая личность человека. Отсюда индийские религиозные самосожжения, самоуродования и всякого рода самоубийства ради блаженного погружения в лоно мировой жизни. Личность есть основа европейского духа, и потому в нем человек является выше природы. Сравните в этом отношении "Илиаду" с любой индийскою поэмою: какая разница! Мы читаем "Илиаду", как колыбельную песню человечества, по прекрасному выражению Гете; но мы сочувствуем ей вполне, как своему собственному младенчеству, из которого развилась наша возмужалость. В "Илиаде" боги также принимают участие в делах людей, но о животных уже нет и помина. Боги эти прекрасны, и каждый из них -- живое существо, имеет страсти, желания, характер, потому что каждый из них -- личность. Человек играет такую высокую роль, что сами боги его не что иное, как апофеоза его же собственной нравственной природы.

В "Нале и Дамаянти" нет характеров; все ее действующие лица -- образы без лиц. Вот, например, характеристика Наля:

Крепкий мышцею, светлый разумом, чтитель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
В храмах богов, вожелений своих обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
Дев, гроза и ужас врагов, друзей упование,
Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями, на коих он в сутки
Мог сто миль проскакать, -- таков был Наль; но и слабость